

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ОЛОНХО И ТУВИНСКИХ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

М.Т. Гоголева

Ключевые слова: олонхо, эпические традиции, тувинские сказания, генетические связи, мотивы, формулы, художественно-изобразительные средства, общность.

Keywords: Olonkho, epic traditions, Tuvan legends, genetic links, motif, formulae, expressive means, commonality.

Как известно, в своем фундаментальном труде «Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо» И.В. Пуховым были установлены черты типологического и генетического сходств в эпическом стиле олонхо и алтайских, шорских, хакасских эпосов [Пухов, 2004]. Исследование по праву считается важным вкладом в фольклористику, имеющим непреходящее значение в сравнительном изучении эпосов. Наш интерес к тувинским героическим сказаниям объясняется задачей приобщения дополнительных материалов к изучению проблемы генезиса олонхо в контексте эпического наследия алтае-саянских народов. В качестве материалов выбраны: олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» П.А. Ойунского, «Строптивый Кулун Куллуштуур» И.Г. Тимофеева-Теплохова, «Джырыбына Джырылыатта» П.Я. Ядрихинского, тувинские героические сказания «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо и «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная. Историко-этнографический анализ текстов тувинского эпоса, предпринятый Л.В. Гребневым, показал продуктивность сочетания подходов филолога, историка и этнографа [Гребнев, 1960]. По свидетельству С.М. Орус-оол, тувинские героические сказания сходны с эпосами хакасов, алтайцев и шорцев в стадиальном и сюжетно-композиционном планах. Центральные темы – героическое сватовство богатыря с выполнением трудных задач хана-тестя и борьба богатыря с чужеземными ханами характерны для эпической традиции алтае-саянских народов [Тув. гер. сказ., 1997, с. 21]. Тувинский эпос, как и олонхо, считается архаичным, в нем много мифологических мотивов и фантастических элементов, но в целом содержание сюжетов отражает более поздний период общественно-экономических отношений, чем в якутском эпосе. Эпический мир более

реалистичен, также приближены к реальности этнографические картины, поступки отдельных персонажей.

В сравнительном изучении олонхо с тюрко-монгольскими эпосами накопление сведений, отражающих факты консервации элементов эпической традиции и отдельных языковых явлений в эпосах родственных народов, остается актуальным в обосновании генетических связей олонхо, особенно в определении характера и времени формирования элементов эпического стиля. Типологические схождения в поэтике героического эпоса олонхо и тувинских героических сказаний, обусловленные свойствами самого жанра, обнаружены в общеизвестных моментах:

- устойчивость основных сюжетных линий. К примеру, борьба богатырей за справедливость на земле и продолжение своего рода, всего людского племени;
- эпическая неторопливость развертывания событий, их предопределенность, заданность типов героев;
- статичность типичных художественно-образительных средств: стихотворный размер, формульность языка, фантастичность, гиперболность как выражение эстетики героического и т.д.

Сходства, указывающие на возможные общие истоки эпосов, рассмотрим более детально. В стиховой организации текстов олонхо и тувинского эпоса особое внимание на себя обращает варьирование количества слогов в эпических тирадах. Стиховедами выделены варьирующие ритмические конструкции. «При анализе взаимосвязи стиховой структуры с ритмом напевов сказаний становится вполне очевидным, что семислоговый стих и восьмислоговая вариация являются в *тоол* нормативным ядром стиховой формы, при этом допускается расширение стиха до десяти – двенадцати и сжатие до шести – четырех слогов» [Тув. гер. сказ., 1997, с. 48]. Если в тувинском эпосе говорится об удлинении или стяжении музыкальных времен в зависимости от количества слогов, то еще И.В. Пуховым было подмечено аналогичное варьирование количества слогов в эпическом стиле олонхо [Пухов, 1975, с. 12-62; 47, 48].

Признаки генетической общности обнаружены в большей степени в языковом оформлении текстов, приемах передачи эпической образности, конструкции отдельных формульных сочетаний.

В зачине тувинских сказаний присутствует постоянная формула якутского олонхо *Былыргы дьыл мындаатыгыр, Эрдэтээнни дьыл энэригэр*, то есть *в стародавние, ранние времена*:

*Эртенгиин эртезинде,
Бурунгунун мурнунда,
Сүт-Хөл кара шалбаа,*

*Сүмбер-Уула сүүр тей турар шагда...
Раньше раннего,
Древнее древнего [времени],
Когда озеро Сют-Холь было черной лужицей,
[А гора] Сүмбер-Ула была остроконечным холми-
ком... [Тув. гер.сказ., 1997, с. 22].*

Текст в переводе на якутский язык не выглядит чужеродным:

*Эрдэтээни эрдэтигэр,
Былыргаангы былырыгар,
Үүт Күөл хара чалбах,
Сүмбэр Уула чочур томтор эрдэбинэ ... (здесь и далее
перевод на якутский язык наш. – Г.М.).*

Также обнаруживается довольно высокая степень полного или частичного совпадения структуры и семантики слов в эпической строфе:

*151-156 Эвилеңнээн-чөвүлөҥнээн
**Оттуг карактыг, оглум,
Кай бар чор сен?
Кайыын келдин?
Узун чоруктуг,
Узак сагыштыг, оглум?** - деп... [Тув. гер. сказ., 1997,
с. 122].
Учтивый, вежливый,
С огоньком в глазах,
Куда ты едешь, сынок? –
Спросил [человек]... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 123].
В переводе на якутский язык выделены схожие кон-
струкции:
*Итэбэтэр-сөбүлэһиннэрэр,
**Уоттаах харахтаах уолум,
Хайа диэки бардын эн?
Хантан кэллин?
Уһун суоллаах,
Ыраах соруқтаах уоланым...****

Наиболее часто в тувинском эпосе встречаются сочетания «черная земля», «большое стойбище», «белая юрта», «железные пути», «желтая степь», «синее небо» и т.д. [Байсклан, 1987, с 43]. Хотя вышеприведенные примеры и встречаются в олонхо, но для стиля якутского эпоса более характерны пространные развернутые эпитеты, придающие своеобразие эпическому миру олонхо.

Некоторые мифологические образы также ясно свидетельствуют о наличии общих корней. Например, совпадение имен отцов трех небесных шаманок в олонхо И.Г. Тимофеева-Теплоухова «Строптивный Кулун Куллуштуур» и тувинском эпосе «Хунан-Кара» О. Чанчы-хоо не может быть просто отнесено к случайности:

*1735 Владелец табунов
С огромными кучами навоза
Юрюнг Айыы Тойон,
Окинув их взором, сказал:
«Дочь Бйи Тойона,
Ытык Ылбальдьын-шаманка!
Дочь Кюн Тойона,
Кюегель Нухал-шаманка!»*
[Строптивный Кулун Куллуштуур, 1985, с. 323].

В другом месте этого же олонхо говорится о семи небесных шаманках, это – дочери Солнца, Месяца и других небесных объектов: Юргэл (созвездие Плеяды), Чолбон (планета), Арангас сулус (созвездие Большой Медведицы), также дочери мифических Божества Орла и Кэнэн Айыы [Строптивный Кулун Куллуштуур, 1985, с. 320]. В тувинском эпосе «Боктут-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная присутствует мотив оживления мужа-богатыря небесными женщинами-дочерьми *Хюн-хана, Ай-хана и Дэр-хана* (дочери Солнца, Месяца и Неба) – [Тув. гер. сказ., 1997, с. 431]. Видимо, это – очень древний мотив, так как в якутской народной сказке «Ючюгяй Юеднойээн и Кусаган Ходьугур» точно таким же образом дочери Солнца, Месяца и Юргэлэ проводят обряд оживления Ючюгяй Юеднойээнэ, женами которого они являются.

В пользу генетических связей свидетельствуют и упоминаемые в эпосах этнографические детали.

*2395 На противоположной стороне Столбовой Горы,
Имеющей письмена, –
Эти писаря властного Рока
Раскрыли небесную книгу судеб...*
[Строптивный Кулун Куллуштуур, 1985, с. 338].

Книга судеб, так называемая книга *Судур*, постоянно присутствует в сюжете алтае-саянского эпоса. Происхождением своим она обязана книге *Сутра* в ламаистской традиции. В олонхо небесная книга судеб – это архив, имеющий разные формы. Более подробная информация об этом представлена в статье М.Т. Гоголевой и Р.Н. Анисимова [Гоголева, 2013].

Коновязь в якутской культуре до сих пор имеет особое культовое значение, близкое бурят-монгольскому символу домашнего очага, обозначаемое одним и тем же словом *сэргэ*, но со свойственными якутскому быту чертами. Образ коновязи сформировался под влиянием традиционных верований народа, идущих с древнейших времен, и потому так выразительны изображения мифических существ на верхушке эпического столба, например, в этом отрывке из олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур»:

*1672 Оглянулся он назад –
Стоит он, оказывается, привалась
К подножию переднего столба коновязи,
Украшенного резным соколом,
Окрашенного львиной кровью,
С изображением ексеку-птицы,
С бар-зверем на верхушке
[Строптивый Кулун Куллустуур, 1985, с. 322].*

Коновязь у тувинцев, судя по текстам сказаний, относится к сакральным атрибутам быта, об этом свидетельствуют ее девятигранная форма и эпитет *алдын-золотой*, хотя описания, относящиеся к коновязи-*баглааш* скудны, немногословны:

*2193 Демир аътты
Алдын чигжир баглаашта
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 152].
Железный конь
[С поводом] вокруг коновязи из чистого золота...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 153].*

Борьба богатырей изображена схожими средствами, как в тувинском эпосе, так и в олонхо. В эпосе «Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей» О. Манная находим строки:

*1530 Бугалаштыр хыйыртап көөргө,
Удур хыйыртааш,
Соора-саара шелгилежип чоруй,
Кап-шак сегиржип алгааш,
Үш айның тозан хонук доктаал чок
Бөөлдежип, тырыкылдажып келирде...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 366].
Как быки, глядят исподлобья –
Друг на друга глядят исподлобья,
Так и эдак ухватят, дернут друг друга –
И вот “кап-шак!” – схватились.
Девяносто дней – три месяца – без перерыва*

Вертят, крутят друг друга...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 366].

Сходство приемов изображения поединка обнаруживается в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и «Строптивый Кулун Куллустуур» в гиперболическом отсчете времени, использовании парных сочетаний, сравнении богатырей с быками и др.

*Медлить больше не стали они,
Друг против друга встали они.
Рогатины боевые подняв,
Будто рогами друг друга разя,
Сишбаются два быка ...*

Истоптали

Талую землю они,

Искрошили

Мерзлую землю они...

[Нюргун Боотур, 1975, с. 40].

*4032 С криками, воплями стали [друг друга]
перекидывать,*

С гиканьем, ревом стали [друг друга] подбрасывать.

Как с кобылою конь, бились они

Тридцать дней и ночей одного месяца,

Шестьдесят дней и ночей двух месяцев,

Девяносто дней и ночей трех месяцев,

Сто двадцать дней и ночей четырех месяцев,

Сто пятьдесят дней и ночей пяти месяцев...

[Строптивый Кулун Куллустуур, 1985, с. 374].

Схожие мотивы находим в сюжетах эпоса «Хунан-Хара» и якутского олонхо.

Конечно же, тувинские героические сказания были созданы и получили свое развитие на основе иной реальности, чем олонхо, и по своей художественной системе и бытованию в корне отличаются от якутского эпоса. Тем интереснее кажутся параллели в традиционных общих местах.

Эпос «Хунан-Хара»	Олонхо
<p><i>1. Архаический мотив чудесного рождения</i> У престарелых родителей родился железный сын – будущий богатырь: 265</p>	<p><i>1. Архаический мотив чудесного рождения</i> В олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» богатырь Юрюнг Уолан выручает из погибельной глубины железного человека:</p>

Белин көөргө, Видно его туловище – Шой-биле бүткен, Сплошь чугуное
Хөрээн көөргө, Посмотришь на грудь - Каң-биле бүткен... Весь из стали...
[Тув. гер. сказ., 1997, с. 66].

2. Быстрый рост богатыря:

380

Бир хонгаш

Бир харлыг мен – деп.

Ижи хонгаш

Ижи харлыг мен – деп... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 70].

Одни сутки прошли:

«Год мне!» – говорит.

Двое суток прошло:

«Два года мне!» – говорит

3. Воспитывают богатыря две прислужницы – шивишкин.

378 Ижи шивишкин кадайга

Азырадыр силер [Тув. гер. сказ., 1997, с. 70].

Двум шивишкин

Велели вскармивать малыша [Тув. гер. сказ., 1997, с. 71].

4. Наречение именем – важный эпизод в сюжете

1340

Ашак-даа тургаш,

Аьгын, бодун

Үш долгандыр

Шиншип көрүп-көрүп туруп-тур.

«Оок, мен-не болзумза,

уругларым,

Арзылаң-Кара аттыг

Хунан-Кара-моге дизе

Кандыгыл, мооңар?» - деп...

[Тув. гер. сказ., 1997, с. 114].

Видит – кованный, звонкий пред ним,

Как трехзубая острога,

Адъарай железный стоит,

Раскатисто говорит...

[Ньургун Боотур, 1975, с. 150].

2. Быстрый рост богатыря:

1474

Бу оѳолоро үс хонон

Үстээх оѳо саѳа

Өнөрсүйэн үүннүлэр,

Биэс хонон

Биэстээх оѳо саѳа

Бэччийэн бардылар...

Дети эти

На третий день

Как трехлетние стали,

На пятый день

Как пятилетние

Довольно окрепли [Ядрихинский, 2011, с. 89].

3. Старуха Симэхсин – постоянный комический персонаж в олонхо, умеет предсказывать

Старуха древняя Симэхсин

Тревогу великую подняла

[Ньургун Боотур, 1975, с. 296]

4. В олонхо придается большое внимание воспитанию богатыря, его наречению, снаряжению.

Его имя часто состоит из двух элементов, один из которых – имя коня.

1455

Албан-дъаһах аата

Араѳас манган халлаантан

Илэ-бодо айыллан түспүт

Старик поднялся,
 Коня и самого [мальчика]
 Трижды кругом обошел,
 Внимательно осмотрел.
 «Я бы, дети мои,
 Назвал его Хунан-Кара-моге,
 Имеющий Арзылан-Кара»...
 [Тув. гер. сказ., 1997, с. 115].

5. Гибель природы вследствие борьбы богатырей

Шөл черге баарга,
 Даг апаар,
 Даг черге кээрге,
 Шөп бооп-даа,
 Огру чаагай
 Оанга кээрге,
 Дөң дөстөк кылдыр... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 218].
 Попадут в край степной –
 Он горным становится,
 Попадут в край горный –
 Степным становится,
 А попадут
 В край равнинный привольный –
 Так истопчут его, оказывается,
 Что в кочках-буграх [он] становится...
 [Тув. гер. сказ., 1997, с. 219].

6. Говорящий конь-помощник

1125 Оон кара кулун
 Тура дүжүп-даа турган иргин ий-ин.
 Хайыралдыг эки ээ
 Бооп-шыдаар-дыр» деп
 Тура дүшкен иргин ийин...
 [Тув. гер. сказ., 1997, с. 104].
 Затем черный его жеребенок
 Вдруг стал.
 «Хорошим любимым хозяином
 Ты сможешь мне быть!» -

Тыллаах-өстөөх,
 Дыллыа манан атгаах
 Дьырыбына Дьырылыатта
 буоллун... [Ядрихинский, 2011, с. 88]
 Имя ее славное –
 С желто-белого неба
 Наяву спущенным,
 Словами говорящим
 С молочно-белым конем
 Джырыбына Джырылыатта будет,
 решили
 [Ядрихинский, 2011, с. 89].

5. Гибель природы вследствие борьбы богатырей

4246
 Тон дьулуо мууһу
 Тобуктарын харабар дылы
 Тобулу нуоралаатылар,
 Чэҥнээх сири
 Дьылбэхтэригэр дылы
 Дэлбэритэ лээбилээтилэр...
 [Ядрихинский, 2011, с. 232].
 Лед замерзший
 По чашки коленные
 Сплошь проломили,
 Землю обледеневшую
 По ляжки толстые
 В кусочки разложили...
 [Ядрихинский, 2011, с. 233].

6. Говорящий конь-помощник.

В 160 строках песенного
 монолога Мотыльково-белый
 скакун, конь Юрюнг Уолана,
 предостерегает своего всадника о
 грозящей опасности
 [Ньургун Боотур, 1975,
 с. 140-141].

7. Борьба с чудовищами из

<p>Став, сказал...[Тув. гер. сказ., 1997, с. 105].</p> <p>7. Борьба с чудовищами Шулбунуң көгү-сүнези Чок кылдыр... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 292]. 5359</p> <p>Корень Шулбу Весь истребил, В ничто превратил ... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 293]. Чудовище <i>шулбу</i></p> <p>8. Разрешение конфликта в сторону победы над злыми силами. Великий пир 5434 Улуг найыр-курумну Тос хонуктуң ишгинде үргүлчүлөп... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 296]. Великое празднество-пир Девять суток продолжалось, оканчивается... [Тув. гер. сказ., 1997, с. 297].</p>	<p><i>Нижнего мира</i> Борьба богатырей олонхо с многочисленными абаасы-чудовищами. Борьба Ньургун Боотура с Уот Усутаакы – главный подвиг богатыря [Ньургун Боотур, 1975].</p> <p>8. Победа над злом. Всеобщий пир 8205 Уйгулаах түһүлгэ Уџараан көрбөтө, Барџа малааһын Баранары билбэтэ... [Ядрихинский, 2011, с. 434]. Пиру щедрому – Конца не видно, Тюсюлгэ богатому – Завершения не заметно... [Ядрихинский, 2011, с. 434].</p>
---	--

Якутский олонхосут также верил в особое сверхъестественное начало своего искусства, которое особенно сильно проявляется в момент исполнения, поэтому после того, как завершал сказывать, он пел отвлекающую песню – *кутурук салайар ырыа*. Об этом хорошо известно в Вилюйской эпической традиции, неукоснительно соблюдаемой олонхосутами региона, но в данном аспекте сказительство еще недостаточно освещено в отечественной фольклористике.

В рассмотренных нами эпосах обнаружены факты, свидетельствующие о наличии типологических и генетических связей между якутским героическим эпосом олонхо и тувинскими героическими сказаниями. Это проявляется не только в схожести эпических мотивов, но и в значительном уровне совпадений в использовании художественно-образительных формул, имен героев, художественных деталей.

Этнографический информант сравниваемых текстов имеет весьма схожие моменты, особенно когда речь идет о мифологических истоках

эпических сюжетов. Генетические связи проявляются на разных уровнях воплощения эпической традиции: в сюжетно-композиционной структуре, стихотворной основе, художественных средствах, языковом материале и особенностях сказительского искусства.

В архаическом пласте языка олонхо и тувинских героических сказаний сохранились общие черты, отдельные элементы, характерные для эпической стилистики народов Южной Сибири и Центральной Азии. Лингвистический аспект исследований может существенно расширить поле для дальнейших работ по изучению раннего этапа тюркской эпической традиции.

Литература

- Байсклан С.М. Поэтика тувинского героического эпоса. Кызыл, 1987.
- Гоголева М.Т., Анисимов Р.Н. Сведения о письменах в якутском героическом эпосе олонхо // Казанская наука. 2013. № 11.
- Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос: опыт историко-этнографического анализа. М., 1960.
- Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо / П.А. Ойунский. Якутск, 1975.
- Пухов И.В. Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо. Якутск, 2004.
- Пухов И.В. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. М.: 1975.
- Строптивый Кулун Куллустуур: якутское олонхо // Эпос народов СССР. М., 1985.
- Тувинские героические сказания: Хунан-Кара, Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей. Новосибирск, 1997. Т. 12.
- Ядрихинский П.П. Бэдьээлэ. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Якутск, 2011.